

«Государственную нашу вивлиофику в сохранение передаем...»: малоизвестный факт истории библиотечного дела

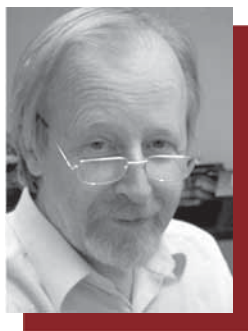
Описывается первая в российской истории попытка создания библиотеки при высшем учебном заведении — Академии, предпринятая в начале 80-х годов XVII в. Симеоном Полоцким и Сильвестром Медведевым. Анализируется особенность употребления ими термина «библиотека», выясняются обстоятельства события, указывается на его значение как предвестника Петровских реформ.

Ключевые слова: государственная библиотека, учебная библиотека, царская библиотека, вивлиофика, книгохранилище, древнерусская библиотека, царь Федор Алексеевич, Славяно-греко-латинская академия.

М.И. Слуховский в своей книге «Библиотечное дело в России до XVIII века» [15] среди других сюжетов, связанных с историей библиотечного дела допетровской Руси, упомянул событие, произошедшее в царствование старшего брата Петра I царя Федора Алексеевича. Обозначив его как «исключительно интересный факт», М.И. Слуховский, тем не менее, уделил ему менее половины страницы.

В силу краткости описания у М.И. Слуховского, приведем его рассказ практически полностью:

«Исключительно интересен факт, — пишет М.И. Слуховский, — передачи Московской академии царем Федором Алексеевичем “государственной библиотеки”, точно не названной. К сожалению, это важное в библиотечном смысле событие не документировано точно. Относится оно к началу 1682 г. Речь идет, несомненно, о Славяно-латинской академии. В подписанной царем Федором Алексеевичем “Привилегии”, пред-

**Михаил Дмитриевич
Афанасьев,**
директор Государственной
публичной исторической
библиотеки России,
кандидат педагогических наук

варительном уставе Академии, значился не вполне ясный, но весьма интересный параграф 17: “Государственную нашу вивлиофику в сохранение передаем блюстителю учитель со учителями, и оной нашей вивлиофики при том нашем училище вечно бытии утверждаем” [11, с. 418]¹. По всей видимости, здесь подразумевается библиотека Печатного двора; недаром в ту пору говорили, что есть “царская (или государственная) книгохранительная палата на Печатном дворе”.

Кто был автор этого документа? Распространена версия, что “Привилегию” написал по поручению царя Федора Алексеевича учитель его Симеон Полоцкий. Однако, один из исследователей, оспаривая такое утверждение, считал, что “Привилегия” составлялась “обычным канцелярским порядком”, причем “несомненно... сторонниками греческого учения” [5, с. 671]. При последнем толковании значительность эпизода, с библиотечной точки зрения, выигрывает — новые библиотечные идеи, следовательно, уже витали в воздухе.

Высказывалось мнение, что “Привилегия” царем не была утверждена². Говорилось также, что ввиду смерти 27 апреля 1682 г. Федора Алексеевича, волнений стрельцов и раскольников намерение царя передать библиотеку осталось не осуществленным [5, с. 671]. Как бы то ни было, важно отметить впервые в русской истории именование библиотеки “государственной”. Термин свидетельствует о новом понимании роли библиотеки. Он предвещает уже петровскую эпоху» [15, с. 83, 185].

С нашей точки зрения, данное событие заслуживает более пристального изучения, нежели предпринятое М. Слуховским, так как таит в себе несколько возможных сенсаций или, как минимум, должно заставить нас пересмотреть некоторые устоявшиеся положения истории отечественного библиотечного дела.

Во-первых, исследователи, занимавшиеся историей термина «библиотека», и в том числе М.И. Слуховский, отмечали, что слово «вивлиофика» получило распространение только в конце XVIII в. и было рождено стремлением архаизировать термин «библиотека» [8, с. 43]. Из приведенного текста следует, что слово «вивлиофика» было в ходу за 100 лет до этого, предвещая слово «библиотека».

Портрет царя Федора Алексеевича

Во-вторых, в отечественной историографии признано, что первой учебной (академической) библиотекой была библиотека, созданная Петром Великим и ставшая библиотекой Академии наук. Оказывается, что более чем за 30 лет до этого события была попытка создать такую учебную библиотеку. Однако остался открытым вопрос, какое книжное собрание предназначалось для этих целей.

В-третьих, совершенно необычным представляется указание на «государственную библиотеку». Данное словосочетание мы начинаем встречать только в XIX в., когда появляется необходимость разделять разные типы библиотек, выделять в их среде те, которые созданы и финансируются государством. Необходимо выяснить, что имелось в виду под этим термином в конце XVII века.

Наконец, за более чем 40 лет, прошедших со времени публикации труда М.И. Слуховского, историки смогли внести ясность в вопрос об обстоятельствах и авторстве «Привилегии», так что многие

недоумения и ошибки в интерпретации М.И. Слуховского сняты и об этом также стоит сказать.

Все это побуждает нас внимательно разобратся в событиях, происходивших в 80-е годы XVII в., оценить их значение и понять их место в истории библиотечного дела.

Сначала рассмотрим обстоятельства появления документа и все, что связано с авторством документа вообще и идеей передачи библиотеки в Академию, в частности. Профессором Б.Л. Фонкичем в 2000 г. была опубликована специальная работа, посвященная истории создания «Привилегии» и издан ее текст по рукописному оригиналу, хранящемуся в Государственном историческом музее [21, с. 237—297]. Позднее данная тема нашла свое отражение в его монографии [19]. На основании тщательной историографической работы, анализа оригинала текста, известных списков с него и публикации «Привилегии» у Н.И. Новикова в «Древней российской вивлиофике», историк смог дать убедительные ответы на все вопросы, связанные с авторством, обстоятельствами создания документа и судьбой самой идеи Академии³.

С 40-х годов и на протяжении всего XVII в. в Москве предпринимаются попытки создать учебные заведения, где дети получали бы как начальные знания, так и высшее образование. Естественно, что успешная работа учебного заведения не могла быть реализована без наличия книг, а зна-

чит библиотеки при училище. Это понималось людьми, инициировавшими открытие школ. Так, в челобитной греческого митрополита Феофана царю Михаилу Федоровичу (июнь 1645 г.) обещано для успешной работы школы и типографии в Москве прислать из Константинополя «надобных книг» [19, с. 26]. Создатель первой в Москве греческой школы Арсений Грек «прибыл в Россию со своей библиотекой, состоявшей из 60 книг ... причем некоторые из них могли использоваться при обучении» [19, с. 63]. Для школы другого грека — иеродиакона Мелетия по поручению царя Алексея Михайловича в Константинополе специально приобретались книги [20, с. 161—164]. Однако идеи создания в Москве высшего учебного заведения и достойной библиотеки при нем на протяжении долгого времени не имели поддержки.

Портрет Симеона Полоцкого

Только в 1682 г. среди других событий, связанных с открытием учебных заведений, появился документ, имеющий название «Привилегия на Академию», в котором была подробно сформулирована идея создания в Москве уже высшего учебного заведения, описана система руководства им, определены характер обучения, права руководителя и учителей, экономические основы существования, его местоположение. В частности, предпоследним 17-м параграфом дан процитированный ранее текст о передаче «государственной» библиотеки под руководство начальства и учителей Академии.

Идея открытия в Москве высшего учебного заведения по образцу европейских университетов первоначально принадлежала Симеону Полоцкому, до приезда в Москву получившему образование в Киевской ака-

демии Петра Могилы. В частности, он был автором слова «О взыскании премудрости Божественная», содержавшем предложения о создании на Руси училищ и библиотек на соборе 1666—1668 годов. После смерти Симеона в 1680 г. эстафету создания высшей школы принял его ученик Сильвестр Медведев. Именно ему принадлежит авторство анализируемого документа. Треть статей была заимствована Медведевым из архива Симеона Полоцкого, остальные сформулированы им самим. Для нас важно отметить, что параграф, посвященный библиотеке, по мнению Б.Л. Фонкича, относится к наследию Симеона Полоцкого [19, с. 221]. Документ был подготовлен к 1682 г., но в апреле 1682 г. царь Федор скоропостижно скончался, и документ остался неподписанным. В дальнейшем, в годы правления царевны Софьи инициатива открытия высшего учебного заведения оказалась в руках патриарха Иоакима, оттеснившего на этом поприще Сильвестра Медведева. Борьба не ограничивалась только личностным непониманием, это была и борьба концепций: если Иоаким и создатели Академии братья Лихуды внедряли в России греческую модель обучения, то С. Медведев был сторонником «латинской» школы, т. е. европейского образования, в основе которого лежало изучение латинского языка. В этих условиях С. Медведев предпринимает новую попытку использовать подготовленный для царя Федора проект. Предварив его стихотворным посвящением царевне Софье, он переписывает «Привилегию» и передает ей для утверждения. Дальнейшие события показали, что документ так и не был подписан. С. Медведев некоторое время руководил созданной им школой, но будущее оказалось за Славяно-греко-латинской академией, организованной Лихудами.

В 1773 г. Н.И. Новиков в Части II первого издания «Древней российской вивлиофики» публикует «Посвящение» царевне Софье и саму «Привилегию» и повторяет эту публикацию в VI части второго издания «Вив-

лиофики» [11]. Все последующие исследователи, за исключением Б.Л. Фонкича, использовали в качестве источника публикацию Н.И. Новикова.

Познакомившись с обстоятельствами появления документа, попробуем ответить на поставленные нами выше вопросы.

О термине «вивлиофика»

Поясним, почему нам представляется важным разбор такого, казалось бы, частного случая, как первоначальное написание слова «библиотека». Известно, что любое новое явление сопровождается возникновением в языке нового слова. Выяснив, каким образом слово вошло в язык, мы отчасти получаем ответ и на вопрос о происхождении самого изучаемого явления. Именно это происходило с библиотекой как новым явлением на русской почве, и, соответственно, со словом «библиотека». По единодушному мнению ученых слово «библиотека» появилось в русском языке в конце XVII в., придя из польского [7; 14]. Факты, говорящие об ином происхождении слова, а написание «вивлиофика» указывает на заимствование прямо из греческого, заставляет задуматься об обоснованности такой уверенности. Это тем более кажется интересным, если мы вспомним, что и Симеон Полоцкий, и Сильвестр Медведев принадлежали к так называемой «латинской партии», тогда как греческую позицию занимали их противники — патриарх Иоаким и братья Лихуды.

Для того чтобы верно судить о том или ином факте, необходимо обратиться к первоисточнику — в нашем случае к рукописи «Привилегии» [12], которая находится в Государственном историческом музее, а не ограничиваться публикацией, даже такой давней и авторитетной как «Вивлиофика» Н.И. Новикова [11]. Рукопись «Привилегии» поднесла сюрприз — в отличие от напечатанного Н.И. Новиковым, слово в рукописи дано в форме «bibliotheka»! Этот вариант написания до сих пор нам не встречался.

Как уже говорилось, путь термина «библиотека» в Россию, по мнению всех исследователей, представляется следующим — из греческого слово попадает в латинский язык, оттуда в польский, а оттуда в русский. Соответственно, на каждом этапе меняется грамматика, в зависимости от особенностей языка. При транслитерации греческого слова «βιβλιοθήκη» на латинскую графику буква *бета* «β» (в византийско-русской традиции — «вита») заменена на «b», буква *тета* «Θ» (византийско-русская «фита») транслитерировалась двумя буквами «th». Не случайно, поэтому, во французском, немецком и ряде других европейских языков в слове «библиотека» звук «т» передается этими двумя буквами (фр. *bibliothèque*). Наконец, буква *эта* «η» (в византийско-русской традиции «ита») стала буквой «е». Грамматически эта цепочка выглядит

418 *Привилегия*
 ради какого ни буди случая, оставя
 Отъ Р. Х. православную вѣру, и прииметъ вѣру Рим-
 1682 скую, или Лютерскую, и Калвинскую; или
 и иную какую ересь, или кто изъ нихъ бу-
 1685 детъ и Римскія вѣры, а въ наше цар-
 ствѣе пришедъ, прииметъ Лютерскую, или
 Калвинскую, или иную какую ересь; и
 таковой, аще истинно во ономъ дѣлѣ
 обличится, иже былъ нашея восточныя
 православныя вѣры, и той да сожжется;
 а иже былъ Римскія вѣры, и той да на-
 кажется градскимъ судомъ, и въ ссылку
 да сошлется.

Седьмое надесять.

Государственную нашу Вивлиофику въ
 сохраненіе предаемъ Блюстителю училищъ
 со Учительми, и оной нашей Вивлиофики
 при томъ нашемъ училищѣ вѣчно быти
 ушверждаемъ.

Осьмое надесять.

Строеніе же того училища достой-
 нымъ образомъ Академіи нашею царскою
 казною да строится; и того храненіе и
 о цѣлости его промышленіе наше Царскаго
 Величества нынѣ и впредь текущая време-
 на да будеть.

Сему дому туне благодать премудро-
 сти и благоразумія, юнымъ отрокомъ,
 рода православнаго подавати имущему, и на
 пути сея жизни пищею слова Божія и пи-
 емъ разсужденія во укрѣплениі въ восточной
 православной вѣрѣ, и отъ ерешиковъ и вся-
 кихъ ересей тоя во охраненіе, пишати могу-
 щему, отъ насъ Великаго Государя во славу
 Бо-

Параграф 17 «Привилегии» в «Древней российской вивлиофике» Н.И. Новикова

так; βιβλιοθήκη (греч.) — bibliotheca (лат.) — biblioteka (пол.) — библиотека (рус.).

Если рассматривать путь термина сразу из греческого в русский язык, то с учетом византийского произношения букв «β, θ, η», принятого в русской грамматике, слово должно было писаться «вивлиофика». Именно это делает Н.И. Новиков, когда дает название своему собранию документов по истории России («Древняя российская вивлиофика»). То же самое он проделывает со словом «библиотека» и при публикации «Привилегии», как бы исправляя «ошибки» написания первоначально греческого слова.

Что же руководит автором текста «Привилегии», когда он дает свое написание слова «библиотека»? То, как написано слово, говорит о том, что автор по-русски воспроизводит *латинскую* форму слова *bibliotheca*, но помнит о его греческом происхождении, поэтому ему нет нужды транслитерировать букву *фита*, которая есть в русском языке, и он оставляет ее на месте. В этом случае написанное кириллицей латинское слово выглядит так, как написал его С. Медведев — «библиотека»!

Изложенное дает нам основание сузить хронологические границы вхождения в русский язык слова «библиотека». Мы видим, что к началу 80-х гг. XVII в. слово еще только начинает вхо-

дить в язык, грамматика его не устоялась, но в основе уже лежит латинский образец. В 1690-е гг. мы уже встречаем его в азбучниках иностранных слов в польском варианте — «библиотека», с указанием при этом на латинское его происхождение (чаще всего с пометой — «ла») [1].

О какой библиотеке идет речь?

Здесь мнения исследователей расходятся. Как помним, М.И. Слуховский считал, что предполагалось передать Академии типографскую библиотеку (библиотеку Печатного двора). В качестве обоснования для данного предположения он указывал на использование по отношению к данной библиотеке слова «государская». Б.Л. Фонкич же высказывал предположение, что речь шла о личной библиотеке самого царя Федора [21, с. 266]. Не сомневается в этом и историк П.В. Седов [13, с. 523]. Рассмотрим за и против каждого из предположений.

Типографская библиотека сформировалась во второй половине XVII века [3, с. 13; 10, с. 191]. К царствованию Федора Алексеевича (по описи 1679 г.) это было собрание, состоявшее из 679 печатных и рукописных книг, в том числе около 113 греческих книг и рукописей, 23 книги были на других иностранных языках [10, с. 192]. Для Москвы того времени это было значительное и качественное по составу собрание. Оно вполне подходило под цели академической библиотеки, что подтверждается фактом использования ее в дальнейшем преподавателями Славяно-греко-латинской академии. «Среди читателей [ее] был и сам царь Федор Алексеевич» [10, с. 194]. Однако более пристальное рассмотрение истории данной библиотеки дает основание сомневаться в том, что именно она рассматривалась царем как «государственная» библиотека. С самого начала, как и все типографское дело, библиотека формировалась под управлением патриарха. На раннем этапе вообще функции библиотеки, обслуживающей нужды печатного двора, выполняла патриаршая библиотека. И позднее именно патриарх (особенно Никон) заботился о пополнении ее фондов. В помещении типографской библиотеки одно время хранилась часть книг патриаршего собрания. Именно патриарх (Адриан) сделал попытку укрепить эту библиотеку, попросив у царя передать в нее книги из государственного Посольского приказа [2, с. 80—83]. Более того, автор специальной работы, посвященной истории данной библиотеки, А.Е. Викторов считал типографскую библиотеку частью патриаршей, так пересекались функции обеих библиотек [3, с. 3, 32]. Что касается приведенной М.И. Слуховским цитаты, здесь важно обратить внимание на то, что речь в ней идет не о «государственной», а о «государевой» библиотеке. К проблеме различия в значении этих слов мы еще вернемся.

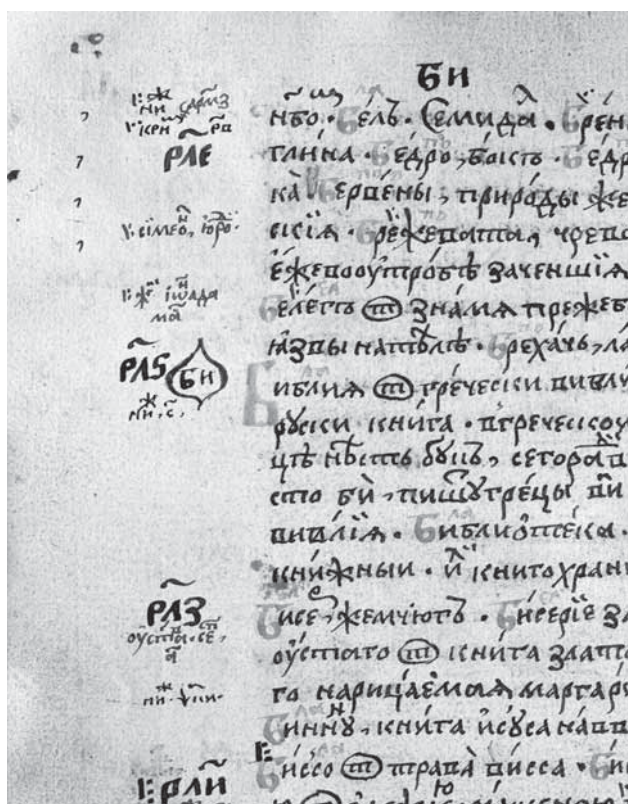
О библиотеке царя Федора Алексеевича известно, что на момент его кончины в ней было как минимум 280 книг [10, с. 116]. Ее следы находятся и сегодня в фондах Библиотеки Академии наук [9]. Царь Федор был человеком книжным в полном смысле этого слова, он ценил книгу и сам много читал на русском, латинском и польском языках. (Впрочем, современный исследователь П.В. Седов, вслед за И.Е. Забелиным оспаривает это мнение [13, с. 179—183].) В этих условиях вряд ли можно ожидать, что он был готов расстаться с личной библиотекой. Но при этом мы имеем достоверный факт, говорящий о том, что царь Федор действительно распорядился передать **часть** своей библиотеки для общественного использования. Сведения о составе царской библиотеки известны благодаря публикации И.Е. Забелиным двух описей книг царской библиотеки [4, с. 599—607]. Вторая из описей озаглавлена: «Книги, которые по указы блаженные памяти Великого Государя Царя и Великого Князя Феодора Алексеевича... приняты из его Великого Государя комнаты книгохранильницы в его Государеву Мастерскую палату... в нынешнем 191 (1683) году апреля в 12 день» [4, с. 602]. Название документа сообщает нам о том, что еще при жизни царь распорядился часть своей библиотеки передать в дворцовое ведомство — именно им была, по сути, Мастерская палата. Расположенная на первом этаже теремного дворца пала-

та ведала всем хозяйством царской семьи, здесь шилась, хранилась и стиралась царская одежда, держалась разного рода утварь, изготавливалось все то, что требовалось дворцу.

Вызывает некоторое недоумение, почему царь распорядился отдать книги именно в Мастерскую палату. Отчасти это можно объяснить тем, что в царском хозяйстве она была единственным придворным учреждением с более-менее разнообразными функциями — и хранение, и использование имущества царского дома. Наряду с Мастерской палатой дворцовое хозяйство включало в себя Казенный приказ (хранилище казны), Оружейную палату (изготовление и хранение оружия), Конюшенную казну (организация парадных выездов, хранение ценного конского убора). Каждое из этих ведомств еще менее подходило для подобных функций (хотя, если бы ставилась задача хранить книги как ценные предметы, более подошел бы Казенный приказ). К тому же имеются сведения о том, что в Мастерской палате в это время хранились и другие книги, кроме тех, которые распорядился туда передать царь Федор.

Опись переданных в Мастерскую палату книг включает по 1—3 экземпляра разнообразных изданий: Острожскую библию, Беседы Иоанна Златоуста, Патерики и труды Отцов церкви, светские книги («О луне и всех планетах небесных», «Летописец римских царей» и др.), в том числе несколько учебных книг (четыре букваря, рукописная азбука, «цифирная книга», «лексикон», псалтыри и др.), 20 книг на латинском языке. Пользователями этих книг, во всяком случае части из них, позднее стали члены царской семьи — царевна Софья, юный царь Петр [4, с. 604—605].

Некоторые детали списка — большой удельный вес иностранных книг, наличие некоторого числа учебной и познавательной литературы создают соблазн предположить, что перед нами та самая «библиофека-вивлиофика», которую царь Федор намеревался по «Привилегии» передать в будущую Академию. Своим указом царь распорядился передать книги в Мастерскую палату — фактически отложил их до будущих времен, когда они могут понадобиться при открытии Академии. Однако никаких документальных подтверждений это смелое предположение не имеет, и вряд ли можно принимать его во внимание. Скорее, верно другое — библиотека по сути своей была не только личной библиотекой царя-книжника, но и некоторым «книжным фондом», который использовался царем для дарения (пожалования) кому-либо книг или целых книжных собраний. Этим, в частности, объясняется и высокая экзemplярность книг: в царской книгохранильнице было, например, «одиннадцать книг Псалтырей стихотворных, не переплетены» [4, с. 601]. Всего же Псалтырей разных изданий у царя было 17, Евангелий — девять экземпляров и т. д. Объяснить этот факт

Объяснение слова «библиотека» в «Алфавите иностранных речей» (Рукопись, XVII. БАН)

только царской любовью к книге невозможно. Если же согласиться с утверждением П.В. Седова о том, что царь Федор был «недоучкой», с трудом писавшим даже по-русски [13, с. 183], то «раздаточный» характер его библиотеки становится очевидным. Следовательно, высока вероятность того, что в «Привилегии» имелась в виду передача книг именно из царской «комнаты книгохранильницы».

О термине «государственная библиотека»

Самая сложная проблема, которую поставила перед нами фраза из «Привилегии», это вопрос о том, что стоит за термином «государственная» по отношению к библиотеке. Сразу следует сказать, что ошибку совершают все авторы, в том числе и М.И. Слуховский, когда ставят знак равенства между словами «государственная» и «государская». Авторитетный «Словарь русского языка XI—XVII веков» дает единственное значение слова «государственный» — это прилагательное от слова «государство» в значении «страна». Теоретически возможный вариант — «государственный» как относящийся к «государю», его царствованию и его собственности, словарем не зафиксирован, для подобного значения имелись другие слова — «государев», «государский». Оба примера, приведенных в словарной статье слова «государственный», взяты из текстов 1649 и

1672 годов. Возможно, это означает, что данное слово появилось в русском языке только в указанный период, ближе к середине XVII века [14, с. 108]. Характерно, что в приводимой М.И. Слуховским цитате из предисловия к толковому Евангелию используются сразу оба слова «в **гсдрственном** по-сольском приказе» и «**гсдрской** книгохранительной палате» [15, с. 125]. Здесь явно автор различает *государственный* статус приказа и *царский* статус библиотеки.

Появление в языке слова «государственный» отражало важный этап перехода русского общества от Средневековья к Новому времени. Для средневекового сознания характерно слияние представлений о государстве и правителе (государе). Одной из черт Нового времени является разделение этих понятий, появление представлений об объектах коллективной *государственной* собственности. Немецкий социолог П. Каршtedт связывает именно с этим явлением факт возникновения нового типа библиотеки — публичной, как принадлежащей обществу, государству, в противовес личной библиотеке феодала, частного лица или церкви. «Если повнимательнее присмотреться к их [публичных библиотек. — М. А.] развитию, то окажется, что оно протекало параллельно процессу превращения политической власти из личной и субъективной в публичную и объективную государственную власть. Как из княжеского суверенитета возникал государственный суверенитет, так из княжеской библиотеки возникала библиотека государственная» [7, с. 103]. Описанный процесс проходил в Европе в XVI веке. В России мы наблюдаем его с середины XVII века. В текстах этого времени ученые-лингвисты фиксируют новое прилагательное — «государственная». И применяется оно в первую очередь в отношении значимых государственных символов — «государственная печать», «Государственный Посольский приказ». Тот факт, что в 1682 г. прилагательное «государственная» применено к библиотеке, не случаен — это отражение появления нового феномена русской жизни, а именно — библиотеки. Оно знаменует переход *от книгохранительной палаты*, как некоего *личного* книжного собрания, *к библиотеке* как явлению *государственному*, входящему в новый символический ряд. И хотя прослеживается еще только начальный этап этого процесса («государственная» библиотека еще «наша», как и всё в самодержавной стране), несомненно, в данном случае фиксируются зачатки явления, которое получит свое развитие уже в XVIII—XIX веках.

Примечания

- ¹ Данная сноска, как и другие к цитируемому тексту, принадлежит М.И. Слуховскому. — М. А.
- ² Сам М.И. Слуховский считал, что утверждение состоялось. См.: [16, с. 121].
- ³ Благодарю Бориса Львовича Фонкича за консультации и ту помощь, которую он оказал в работе над этой темой.

Список источников

1. Алфавит иностранных речей. Рукопись, XVII. БАН. Арх. с. Д. 446. Л. 34 об.
2. Белокуров С. О библиотеке московских государей в XVI столетии / С. Белокуров. — М., 1898. — XVI, 336, СХХVIII с.
3. Викторov А.Е. Библиотека и историческая деятельность московской синодальной типографии (По поводу статьи г. П. Бессонова) / А.Е. Викторov. — М., 1859. — 55 с.
4. Забелин И.Е. Домашний быт русских царей и цариц в XVI—XVII столетиях. Т. III. Материалы [к т. 1, ч. II] / И.Е. Забелин. — М. — С. 500—900 (2-я паг.).
5. Каптерев Н.Ф. О греко-латинских школах в Москве в XVII веке до открытия Славяно-греко-латинской академии // Прибавление к творениям св. отцов в русском переводе за 1889 г. Ч. 44. — СПб., 1889. — С. 588—679.
6. Он же. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Т. 2 / Н.Ф. Каптерев. — Сергиев Посад, 1912. — VIII, 547 с.
7. Каршtedт П. Историческая социология библиотек // Новое литературное обозрение. — № 74 (2005). — М., 2005. — С. 103.

8. Кузнецов Н.С. О форме слова БИБЛИОТЕКА // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. 1. — М., 1960. — С. 39—45.
9. Лебедева И.Н. Личная библиотека царя Федора Алексеевича // Книга в России XVIII — середины XIX века. Из истории библиотеки Академии наук. — Л., 1989. — С. 84—92.
10. Луппов С.П. Книга в России в XVII веке / С.П. Луппов. — Л.: Наука, 1970. — 224 с.
11. [Привилегия Московской академии] // Древняя российская вивлиофика. Ч. VI. — М., 1783. — С. 418.
12. Привилегия на Академию. Рукопись. ОР ГИМ. Син. 44.
13. Седов П.В. Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века / П.В. Седов. — СПб., 2006. — 603 с.
14. Словарь русского языка XI—XVII веков. Т. 4. Г-Д. — М.: Наука, 1977. — 403 с.
15. Слуховский М.И. Библиотечное дело в России до XVIII века / М.И. Слуховский. — М.: Книга, 1968. — 231 с.
16. Он же. Русская библиотека XVI—XVII вв. / М.И. Слуховский. — М.: Книга, 1973. — 252 с.
17. Он же. Термин «библиотека» в феодальной России // Археографический ежегодник за 1971 г. — М., 1972. — С. 106—112.
18. Смирнов С.К. История Московской славяно-греко-латинской академии / С.К. Смирнов. — М., 1855. — 428, IV с.
19. Фонкич Б.Л. Греко-славянские школы в Москве в XVII в. — М., 2009. — 296 с.
20. Он же. Мелетий Грек // Россия и Христианский Восток. Вып. 1. — М., 1997. — С. 161—164.
21. Он же. «Привилегия на Академию» Симеона Полоцкого — Сильвестра Медведева // Вопросы феодальной России. Вып. 4. — М., 2000. — С. 237—297.

УДК 355.233.231.2(091)(47+57)
ББК 68.46(2Рос)

«Полезное заведение» офицеров лейб-гвардии Преображенского полка (к 200-летию офицерской библиотеки)

Статья посвящена второй офицерской библиотеке лейб-гвардии Преображенского полка, которой 1 октября 2011 г. исполнилось 200 лет. Библиотека была создана по инициативе и на личные средства офицеров полка, и ее основание послужило примером для создания книжных собраний в войсках гвардии и в других воинских частях и учреждениях русской армии.

Ключевые слова: лейб-гвардии Преображенский полк, офицер, библиотека, систематический каталог, книга, библиотекарь, правила, частный почин, военное собрание.

Библиотека лейб-гвардии Преображенского полка, «окончательно устроенная к 1 октября 1811 года и возникшая на условиях, подобных первой» [2], стала второй офицерской библиотекой после учреждения библиотеки лейб-

Анатолий Михайлович Панченко,
начальник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела Новосибирского высшего военного командного училища (военного института) Министерства обороны Российской Федерации, полковник, кандидат исторических наук